

УДК 364.22

Р.Д. Нуржаубаева

Казахский экономический университет им. Т. Рыскулова, Казахстан, г. Алматы

Проблема бедности в контексте задач социальной модернизации Казахстана

Статья посвящена обоснованию необходимости разработки нового научного подхода к оценке бедности в контексте процессов социальной модернизации казахстанского общества. Показаны противоречивость современных научных подходов к бедности как объекту научного исследования; многообразие задач и несовершенство методов воздействия на бедность со стороны государства. Обобщены современные тенденции бедности в Казахстане. Сформулированы авторские предложения по совершенствованию методологии оценки бедности и задачам экономической стратегии социальной модернизации Казахстана.

Ключевые слова: бедность, социальная модернизация, социальная политика, социальные трансферты, механизмы воспроизводства застойной бедности.

R.D. Nurzhaubaeva

Poverty problem in a context of social modernization of Kazakhstan

Article is devoted to justification of need of development of new scientific approach to an assessment of poverty and a statement of author's suggestions for improvement of methodology of an assessment of poverty and problems of the Kazakhstan economic strategy of social modernization

Key words: poverty, social modernization, social policy, social transfers, mechanisms of reproduction of stagnant poverty.

Р.Д. Нуржаубаева

Қазақстанның әлеуметтік жаңғыруы контексті мақсатында кедейлік мәселелері

Мақалада кедейлікті бағалаудың жаңа ғылыми тәсілдерін құру қажеттілігі және Қазақстан экономикасының әлеуметтік жаңғыруы стратегиясы мақсатында кедейлікті бағалаудың әдістемесін жетілдіру бойынша автордың ұсыныстары қарастырылған.

Түйін сөздер: кедейлік, әлеуметтік жаңғыру, әлеуметтік саясат, әлеуметтік трансферт, кедейліктің тоқырауын ұдайы жаңғыртудың тетіктері.

Перед республикой на современном этапе социально-экономического развития стоит задача ускоренной социальной модернизации. Казахстанскому обществу предстоит избавиться «от ложных социальных ориентиров» [1]. При разработке новой Концепции социального развития Казахстана упор делается на развитие активных формы занятости, стимулирования продуктивного поведения граждан, искоренение иждивенчества. Основной акцент социальной политики переносится с предоставления разного рода дотаций многочисленным социальным группам, нуждающимся в адресной помощи, на стимулирование создания новых рабочих мест, пере-

обучения, активизацию социальной и трудовой мобильности населения.

Поиск в XX веке оптимального соотношения в государственном регулировании экономики «идей либеральной и социалистической направленности» показал, что универсального, пригодного в любых условиях подхода нет и не может быть. Масштабный кризис мировой экономики в конце 20-х годов XX века сделал востребованными «социалистические» идеи государственного управления. Очень по-разному воплощённые в жизнь такими политическими лидерами-диктаторами, как Рузвельт, Сталин и Гитлер. 30-е – 60-е годы XX века – период господства кейн-

сианской модели экономического развития. В 60-70-х годах произошел поворот к либеральной модели. На практике её воплотили в жизнь такие политики, как Р. Рейган и М.Тэтчер: в 70-80-е годы США, Великобритания и целый ряд других стран Запада полностью либерализовали многие социально значимые отрасли экономики. В 1989 году эта модель была сформулирована в документе под названием «вашингтонский консенсус». Начало XXI века, новый масштабный экономический кризис, – и вот Президент Франции Н. Саркози заявляет на антикризисном саммите лидеров Евросоюза в 2009 г.: «Идея, что рынки всегда правы – безумная идея. Идея невмешательства государства умерла. Идея всемогущих рынков умерла»; а в 2011 г. МВФ на своей ежегодной сессии признаёт, что «вашингтонский консенсус» окончательно исчерпал себя; снова востребованными оказываются идеи Дж. Гелбрейта о том, что никакой свободной конкуренции быть не может; с фигурой энергичного предпринимателя-одиночки в центре и отношениями свободной конкуренции вокруг него покончено.

Среди ученых всю вторую половину XX века не прекращалась дискуссия о наилучших методах измерения бедности. Которая была, в каком-то смысле, продолжением глобального противостояния, противоборства сторонников двух диаметрально противоположных подходов к оценке бедности – прежде всего, как нравственно-религиозной (а не социальной, психологической или экономической) характеристике индивида. Дихотомия всего нескольких понятий, в ряду которых находится бедность (добро и зло, богатство и бедность, святость и порок...), составляет базовую ценностную основу человеческого общества, нашедшую своё отражение в системах христианских и исламских духовных ценностей (а также всех прочих религий мира).

Среди всевозможных объектов, которые изучает наука, бедность относится к категории самых сложных, обозначаемых термином «феномен» – явление, данное нам в опыте, чувственном познании. Полностью научными методами феномен в принципе непознаваем – разумом постигаются (и изучаются наукой) только его отдельные внешние проявления, «ноумены» [2, с. 560]. Бедность – «сложный многофакторный феномен, теоретико-методологические основы

изучения которого представлены в различных отраслях знания» [3, с.16]; причём содержание понятия «бедность» далеко выходит за рамки не только экономической науки и других научных дисциплин, но и науки вообще.

Поэтому «до сих пор и для специалистов, и для широкой общественности открытым остается вопрос о том, что такое бедность, каковы ее причины и что может наиболее эффективно способствовать ее преодолению» [4]. Т. е. получается, что любой учёный (как и любой политик), произнося слово «бедность», по сути, не говорит ничего определённого, если только не уточнит, что именно он имеет в виду; выбор у них весьма обширный.

Помимо общепринятой в настоящее время классификации М. Ревельона, когда бедность может быть абсолютной (невозможность либо крайняя затруднительность для индивида или его семьи физического воспроизводства, жизнь ниже уровня прожиточного минимума), относительной (когда уровень жизни ниже среднего, принятого в данном обществе), субъективной (т.е. «психологической», связанной с невозможностью реализации своих талантов и способностей и получения, вследствие этого, соответствующего материального положения), бедность – это: 1) сложная система неравновесных процессов самоорганизации, проявляющихся в постоянной перестройке материальной и духовной культуры общества, в результате которых складывается и воспроизводится устойчивый социально-психологический стереотип и образ жизни всех социальных групп; 2) один из существенных смыслов базовой системы ценностей общества, глубоко укоренённый в природе человека, в коллективной памяти народа; 3) угроза социальной безопасности и источник страданий и лишений многих миллионов людей; 4) такое состояние специфической социальной группы, при котором она потенциально способна принять участие в свержении существующей власти.

А ещё бедность – очень субъективная и политизированная оценочная научная категория. В «Методических указаниях по анализу бедности» Всемирного Банка мы читаем о «масштабе политических дебатов», о том, что «при анализе бедности /.../ специалисты уделяют основное внимание /.../ анализу влияния политических реформ на благосостояние различных основных

заинтересованных групп». В числе «десяти основных элементов, которые необходимо учитывать тем, кто осуществляет или консультирует по вопросу анализа уровня бедности» – «стимулирование политических дебатов и обеспечение обратной связи для выбора политического курса» [5, с. 44].

Специалисты вполне единодушно признают, что «в настоящее время, по общему признанию, оценка бедности происходит по множеству критериев, типовая методология анализа бедности и социальных последствий отсутствует» [5, с. 32]; «при использовании любого из подходов к измерению бедности невозможно быть точно уверенным в абсолютно корректном установлении черты бедности» [6, с. 147]. «Время собирать камни», время обобщения обширного массива зачастую противоречащих друг другу методов оценки бедности, в науке ещё не настало

В своей социальной политике каждое государство выбирает несколько подходов к мониторингу, определению и снижению уровня бедности, отбрасывая и игнорируя все остальные рекомендации учёных. Выбор методов оценки бедности и мер по сокращению неравенства доходов населения определяет политическая целесообразность; вопрос оценки бедности – политический, это не «наука», а «искусство достижения возможного», компромисс, возникающий в результате многофакторной оптимизации разнонаправленных интересов и усилий различных групп политической и финансовой элиты.

Обстоятельный анализ подходов, практикуемых в разных странах, представлен в статье В.Н. Бобкова и Е.В. Одинцовой [7]. Какой из них наиболее эффективен? И можно ли вообще считать достигнутые результаты удовлетворительными?

Прежде всего – не только индивиды, но и страны делятся на «бедные» и «богатые» – причём глобальное неравенство в мире намного больше, чем неравенство граждан в любой отдельно взятой стране [8]. Кроме этого, следует выделить два принципиально разных вида бедности: «сытая» – в развитых странах и «голодная» – в беднейших развивающихся.

«Сытая» бедность – реальная угроза социальной стабильности в развитых странах Запада. «Специалисты из ведущих исследовательских центров США, Франции и Великобритании, считают, что растущее социальное неравенство и разрыв в доходах, а также обрушение средне-

го класса, приобретают все большее значение в политической и экономической жизни Европы, США и других стран. Они являются угрозой для демократии и построенного на консенсусе общества», читаем мы в подзаголовке редакционной статьи Financial Times [9].

За 60 лет производительность труда в западном мире выросла в 5 раз, а реальная зарплата практически не росла. Т.е. вся прибыль от технического прогресса уходила владельцам предприятий, и именно их уровень жизни рос быстрыми темпами, а вот уровень жизни наемных рабочих, инженеров, офисных работников – стоял на месте (точнее, падал из-за нескомпенсированной инфляции) [10]. В США и ЕС на питание тратится сравнительно немного. Основные траты идут на оплату жилья, страховок, кредитов, учёбы и медицины, зубное протезирование и прочих услуг.

Разрыв между богатыми и бедными гражданами США достиг наивысшего уровня со времен Великой депрессии прошлого века. Такого разрыва не наблюдалось с 1928 года. Доходы 1% богатейших американцев выросли с 2009-го по 2012 год на 31,4%. У остальных 99% населения страны данный показатель за аналогичный период увеличился лишь на 0,4%. При этом на долю 10% наиболее обеспеченных домовладений приходилось 48,2% всех заработков и прибылей. Попасть в эти заветные 10% могли в прошлом году американцы с доходом выше 114 тыс. долларов (на домовладение). А семьи с годовым доходом свыше 394 тыс. долларов относились уже к 1% богачей. Только 47% работающих граждан имеют полный рабочий день, в то время как официальный уровень безработицы составляет 8%, 43,2 млн американцев получают талоны на еду, – это более чем каждый пятый житель США: если на иждивении у большинства американцев находится по два человека, то получается, что треть Америки питается за счет социальных программ. Вместо высокой реальной зарплаты, как это было до 1970 г., американские семьи с 80-х годов были принуждены пользоваться кредитами для поддержки приемлемого уровня жизни, т.е. фактически жили в долг. В результате, общий долг американцев по банковским кредитным карточкам составил 2,4 триллиона долларов, но чтобы погасить его вместе с набравшимися процентами и пени, американцам придется выплатить банкам около 10 триллионов долларов, в 4 раза

больше суммы долга – финансовая прибыль приватизируется (банками и корпорациями), а финансовые убытки социализируются (т.е. за них расплачивается население). Что касается уровня бедности, то он подсчитывается по-разному для разных целей и в разных штатах. Федеральные власти США считают бедной семью из четырех человек с доходом до 23 тыс. 550 долларов. На каждого «дополнительного» члена семьи полагается прибавлять по 4 тыс. 20 долларов [11].

В странах Евросоюза бедным считается человек с доходом меньше 60% медианного дохода по стране. Исходя из этого критерия в 2011 году в странах ЕС было 84 млн бедняков; 24% населения (более 120 млн человек) подвергалось «рisku бедности или исключения из социума», при этом сюда входило 27% всех детей Европы, 20,5% пенсионеров старше 65 лет и 9% имеющих работу; около 9% населения жило в условиях тяжелой материальной недостаточности, не имея возможности купить стиральную машину, автомобиль, телефон, обогреть дом или нести незапланированные расходы; 17% населения жило на половину средней заработной платы своей страны; 10% населения жило в домохозяйствах, где ни у кого не было работы. Статистику за 2012 год в ЕС решили не публиковать, ограничившись заметкой об ухудшении показателей [12].

В условиях неolibеральной экономической модели (финансового капитализма) реальными, а не декларативными задачами социальных программ является создание таких социально-экономических условий, при которых бедняки должны: а) не иметь возможности и повода бунтовать, б) как можно меньше зарабатывать, в) как можно более производительнее работать, г) как можно больше тратить на потребление. Т.е. цели борьбы с бедностью, мягко говоря, весьма противоречивы. Поэтому «в последние годы мир столкнулся с кризисом политических систем, в которых правит торжествующая и в то же время некомпетентная технократия. Проводимая ими политика нацелена только на одно – чтобы электорат был спокоен. Краткосрочные задачи политического выживания оказываются гораздо важнее, чем задачи развития страны. Налицо кризис государств, весело и легко практиковавших покупку голосов избирателей за счет взятых в долг денежных средств – задолженности, которую будут выплачивать следующие поколения» [13, с.17].

И нам действительно придется «оставить

в прошлом утопические идеи либеральной направленности»; отказ же от идей «социалистической направленности» обусловлен тем, что они в условиях глобального насыщения потребительских рынков и обусловленного этим перманентного экономического кризиса оказались несовместимы с неolibеральной экономической моделью.

О масштабах этой бедности свидетельствует, например, последний доклад Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) ООН, согласно которому каждый восьмой житель земли голодает: 842 миллиона в 2011-2013 годах испытывали хронический голод. Большинство голодающих живут в Африке к югу от Сахары (223 миллиона) и в Южной Азии (295 миллионов); в развитых странах эксперты ФАО ООН насчитали 16 миллионов голодающих [14]. Многие независимые эксперты считают эту оценку излишне оптимистичной; по их мнению, методики ФАО ООН устарели и голодающих в мире куда больше.

В последнем докладе Центра глобального развития под бедными понимаются люди, которые живут менее чем на \$2 в день [15]; по оценке специалистов Всемирного Банка, за 1981 – 2005 гг. в мире число лиц с доходами до 1.25 долл. в день сократилось с 1899 до 1370 млн., а с доходами до 2.15 долл. в день – выросло с 2607 до 2730 млн.

Поскольку многие развивающиеся страны из-за ограниченности ресурсов, слабости государственных институтов и/или плохого управления не могут самостоятельно успешно бороться с нищетой, бедностью и голодом, им необходимо внешнее содействие [16, с. 36]. На «Саммите тысячелетия» в Нью-Йорке в 2000 году мировые лидеры взяли на себя обязательства по достижению «Целей в области развития на рубеже тысячелетия», включая снижение наполовину уровня нищеты к 2015 году.

Сейчас уже можно с уверенностью утверждать: цель эта достигнута не будет. Не только потому, что общий объем помощи сравнительно невысок (официальный ориентир, установленный ООН на Саммите тысячелетия, – 0.7% ВВП; у стран ЕС в 2006 г., при благоприятной экономической конъюнктуре, он составил 104.4 млрд. долл., или 0.31% [16, с. 32]).

Дело в том, что в США каждый год собираются миллиарды долларов пожертвований

на продовольственную помощь – но по американским законам гуманитарная помощь должна производиться в США. Европейский союз также принял директивы «Стратегия по сырьевым материалам» и «Стратегия интегрированной промышленной политики», где четко сказано, что «ЕС должен обеспечить интересы своих компаний в Африке любыми средствами». Т.е., оказывая гуманитарную помощь, США и страны ЕС «попутно» решают и другую задачу – обеспечивать работой своих сельхозпроизводителей. Когда продовольственная помощь попадает в Африку, то она не раздается нуждающимся бесплатно, а выставляется на рынок по очень низкой цене, с которой не могут конкурировать местные крестьяне. В результате, они разоряются. По мнению ряда экспертов, в Африке проблема голода связана именно с большой зависимостью от импорта продовольствия, дающего немалую прибыль компаниям развитых стран (Похожий процесс идет в последние годы и в странах Восточной Европы).

Меры воздействия на «голодную» бедность на практике всегда были организованы так, чтобы: а) стимулировать спрос на определённых отраслевых рынках, б) организовать в развивающихся странах с «неправильными институтами» [17] протестную активность тех специфических социальных групп, «возрастание нужды и бедствий которых», по словам В.И. Ленина, является одним из необходимых условий возникновения «революционной ситуации».

При переходе к неолиберальной («рыночной») модели экономики в Казахстане возникли специфические социальные группы «новых бедных» как структурные элементы общества. «Голодной» бедности по меркам Африки в Казахстане нет. Однако нет и «сытой» бедности развитых стран Запада. По данным Национального банка РК, 50% от суммы всех депозитов приходится на долю всего 0,1% вкладов; другая половина средств на депозитах также распределена весьма неравномерно – их имеют только 17 % населения, причем суммы вкладов у подавляющего большинства совсем небольшие. Как отмечают казахстанские экономисты, средняя заработная плата в стране всего в 2-2,5 раза превышает реальный прожиточный минимум, расчётная величина которого сильно занижена [18, с.8]. Притом, что степень эксплуатации наемных работников в Казахстане в два раза выше, чем в

развитых странах. Поскольку доля заработной платы наемных работников в развитых странах составляет порядка двух третей ВВП, а в Казахстане удельный вес фонда оплаты труда в ВВП вдвое ниже [19].

В структуре казахстанского общества наиболее массовыми являются, в терминах Всероссийского центра уровня жизни под руководством В.Н. Бобкова, два социальных слоя: «низко обеспеченных» и «с материальными условиями жизни ниже среднего уровня» [20]. Известно, что повышение индивидуальных доходов невозможно без использования социальных контактов; однако, круг таких контактов в этих социальных слоях, как правило, не выходит за их границы – именно поэтому они и попадают в «ловушку бедности».

Субъективная бедность трёх четвертей населения Казахстана – это, преимущественно, бедность работающих людей, которые не могут повысить свой доход за счет повышения своей трудовой активности, социальная проблема, не связанная с личными качествами и трудовыми усилиями индивидов. Низкий уровень оплаты труда работников, рост неустойчивости занятости в ряде секторов экономики стал главным фактором бедности, которая в принципе «не лечится» с помощью программ адресной социальной помощи. Высокий уровень социального неравенства и поляризация общества по имущественному признаку оставляет слишком мало возможностей для развития среднего класса. Наблюдается дефицит социально-трудовой мобильности, который сочетается с узостью социально-трудовой мотивации.

Особо остро стоит эта проблема для молодежи – связанная с демографическим ростом («молодежный бугор») и низким уровнем жизни / социальной неустроенностью сельской молодежи, мигрировавшей в крупные города в поиске работы. Поскольку всплеск молодежной безработицы может иметь «особо мощный политически дестабилизирующий эффект, создавая армию потенциальных участников всевозможных политических (и в том числе революционных) потрясений» [21, с. 340].

Бедность стала питательной средой формирования специфических механизмов воспроизводства бедности: в терминах Агентства РК по статистике это «самозанятое население» и «не наблюдаемая экономика» [22, с. 311], которые

стали основой устойчивой самоорганизующейся системой застойной бедности, которая изменила поведение населения и состояние материальной и духовной культуры общества.

Сформировался поведенческий стереотип застойной бедности, который сохраняется даже в случае роста благосостояния индивида. Стереотип этот заключается в том, что к наиболее распространенным стратегиям улучшения своего материального положения относятся: самообеспечение некоторыми продуктами питания, разовые и временные приработки, заем денег, сверхурочная работа или совместительство по основному месту работы или в нескольких местах на постоянной основе. Причём существуют значительные институциональные ограничения и даже барьеры, не позволяющие формировать на микроуровне эффективные стратегии выхода из бедности. В результате в казахстанском обществе (как и в российском [23, с. 68]) развивается аномия – отказ членов общества совершать действия, которые поддерживают социальный порядок.

Вклад социальных трансфертов в доходы населения достиг исторического максимума, однако, система социальной защиты не является эффективным институтом содействия сокращению бедности. Пришедшие из прошлого и закрепленные в законодательстве и практике органов социальной защиты традиция предоставления помощи лишь людям, находящимся на грани физического выживания, стали причиной слабого влияния адресной помощи на процессы социальной модернизации;

Экономический рост перестал оказывать позитивное влияние на неравенство, уровень, и особенно, на структуру бедности. При высоких социальных расходах и общей положительной динамике экономического прогресса наметился тренд ухудшения социального самочувствия и роста социальной напряженности

Результатом данного исследования являются следующие выводы:

1. Бедность в современном обществе (как бы мы её не определили) – это непременно результат отсутствия доступа индивида/ специфической социальной группы к «социальным лифтам» вследствие нехватки возможностей и навыков социального взаимодействия: неумения/неспособности доверять окружающим и вызывать у них доверие. Процессы социального взаимодействия внезапно в самых неожиданных

сочетаниях объединяют людей и организации в группы, достаточно активные и влиятельные, чтобы оказывать определяющее влияние на развитие общества. Отсюда вытекает идея нового похода в оценке бедности через оценку доверия. Как «внутри» специфических социальных групп, между их членами, так и «извне»: доверия группы по отношению к другим группам и различным социальным институтам.

2. При оценке бедности в условиях экономического кризиса следует отказаться от обработки баз данных с использованием математических моделей, основанных на методах линейного программирования. Следует также отказаться от выявления закономерностей на основе анализа временных рядов (экономических показателей прошлых периодов); информационной базой оценки бедности в современных условиях становится не анализ баз данных (тенденции и тренды прошлых лет в условиях кризиса в любой момент могут изменить свою направленность), а прогноз будущего, основанный на оценке рисков.

По нашему мнению, для Казахстана вполне справедлив вывод, сделанный российским исследователем Л.Н. Овчаровой: в настоящее время возможны две стратегии сокращения бедности. Первая: «от политики низкой безработицы – к политике эффективной занятости, и от дешевых и неквалифицированных рабочих мест – к рабочим местам с достойной заработной платой и высокой квалификацией труда». Вторая – «от социальной защиты отдельных категорий населения – к приоритетной поддержке бедных домохозяйств на различных этапах жизненного цикла» [24, с. 84].

Исходя из этого подхода, следует признать нецелесообразным дальнейшую разработку способов выявления особо уязвимых групп населения, и сведение к минимуму (пересмотреть) действующих программ адресной социальной помощи в РК. Необходим переход к новой концепции – реструктуризации бедности, суть которой в смене приоритетов экономической и социальной политики: переходе от адресной социальной помощи особо уязвимых групп к государственному стимулированию программ повышению уровня жизни населения, которое находятся «в зоне риска» над чертой бедности. Потому что именно эта социальная группа в РК – наиболее многочисленная сегодня, и именно от неё зависит социально-политическая стабильность казахстанского общества.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казинформ, 10.07.2012 <http://www.inform.kz/rus/article/2478336> /Дата обращения: 15.10.2013
2. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. Головина – М.: Этерна, 2012. – 752 с.
3. Теодорович М. Л. Проактивная стратегия снижения бедности в России: партисипаторный механизм реализации: Автореф. дисс. ... д. соц. н. – Нижний Новгород, 2010. –49 с.
4. Тихонова Н.Е. Российская бедность: масштабы, причины, перспективы // Индекс -2005. -№ 21. <http://www.index.org.ru/journal/21/tihon21.html> /Дата обращения: 09.09.2013
5. Методические указания по анализу бедности и социальных последствий / Группа стратегии сокращения бедности (PRMPR) и Департамент социального развития (SDV). Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. -Вашингтон, 2003. – 122 с. www.wprldb.org/psia/ /Дата обращения: 11.10.2013
6. Воронкова О.В. Подходы к определению и измерению бедности // Экономический вестник Ростовского государственного университета – 2007. – Том 5. – № 3. – С. 147-154.
7. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Международная практика снижения относительной и абсолютной монетарной бедности и задачи для России //Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – № 10-11. – С. 3-58
8. Milanovic B. Global Income Inequality in Numbers: in History and Now. Global Policy, Volume 4, Issue 2, May 2013, 198–208 pp.
9. Financial Times 24. 02. 2013 <http://www.ft.com/home/uk/> /Дата обращения: 17.10.2013
10. Wolff R. D. Capitalism Hits the Fan: The Global Economic Meltdown and What to Do about It. Olive Branch Press. 2009. – 256 p.
11. Сайт Управления экономики и статистики США Economics and Statistics Administration (ESA) <http://www.esa.doc.gov/> /Дата обращения: 17.10.2013
12. Сайт Eurostat <http://ec.europa.eu/eurostat> /Дата обращения: 21.10.2013
13. Коробка Д.С. Политическая онтология современности: новые смыслы, новые стратегии: автореферат дисс. ... к. пол. н. – М., 2010.- 26 с.
14. Доклад Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) ООН The State of Food Insecurity in the World, 2013 <http://www.fao.org/docrep/018/i3434e/i3434e00.htm> / Дата обращения: 21.10.2013
15. Сайт Центра глобального развития (Center for Global Development) <http://www.cgdev.org/> /Дата обращения: 19.10.2013
16. Иванов Н., Гоффе Н., Монусова Г. Глобализация и бедность // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). – 2010. – №9. – С. 29-42.
17. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail: The origins of Power, Prosperity and Poverty First Edition. New York: Crown Business. 2012. – 529 p.
18. Кошанов А. Индустриально-инновационные вызовы глобализации и новые императивы социализации общественного производства в Казахстане // Экономика: стратегия и практика. – 2012. – № 2 (22). – С. 6-11.
19. Economic and social survey of Asia and the Pacific Pursuing shared prosperity in an ERA of turbulence and high commodity prices. – United Nations, 2012.-236 p. // <http://www.apec-center.ru/> /Дата обращения: 17.09.2013
20. Бобков В.Н. Неравенство материальных условий жизни населения // Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ), 15. 07.2011 2020strategy.ru/data/2011/07/15/1214720708/12.doc/ /Дата обращения: 21.10.2013
21. Моделирование и прогнозирование мировой, региональной и национальной динамики. /Руководитель проекта акад. В.А. Садовничий. Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. – М.: Либроком URSS, 2011. -580 с.
22. Методологические положения по статистике. 3-е издание, доп. / Под общей ред. А.А.Смаилова. – Астана, 2009.- 580 с
23. Кара-Мурза С.Г. Аномия бедности // Аномия в России: причины и проявления. – М.: Научный эксперт, 2013. – 264 с.
24. Овчарова Л.Н. Предложения для стратегии содействия сокращению бедности в современной России //Уровень жизни населения регионов России». – 2012. – № 10-11. – С. 78-88.

References

1. Nazarbayev N.A. Sotsialnaya modernizatsiya Kazakhstana: dvadtsat` shagov k Obshchestvu Vseobshchego Truda // Kazinform, 10.07.2012 <http://www.inform.kz/rus/article/2478336>
2. Kont-Sponvil` A. Filosofskiy slovar` / per. s fr. E. Golovina – М.: Eterna, 2012. – 752 s.
3. Teodorovich M.L. Proaktivnaya stragegya snizheniya bednosti v Rossii: partisipatornyy mekhanizm realizatsii: Avtoref. diss. ... d.s.n. – Nizhniy-Novgorod,2010- 49s.
4. Tikhonova N.E. Rossiyskaya bednost: masshtaby, prichiny, perspektivy // Index – 2005 – №21 <http://www.index.org.ru/journal/21/tihon21.html>
5. Metodicheskie ukazaniya po analizu bednosti i sotsialnykh posledstviy / PRMPR & SDV Washington, 2003. – 122 s. www.wprldb.org/psia
6. Voronkova O.V. Podkhody k opredeleniyu i izmereniyu bednosti // Ekonomicheskyy vestnik rostovskogo universiteta – 2007 – T.5 – №3 – s. 147-154

7. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Mezhdunarodnaya praktika snizheniya odnositel'noy i absolyutnoy monetarnoy bednosti i zadachi dlya Rossii // Uroven' zhizni naseleniya regionov Possii – 2012. – № 10-11 – s.3-58.
8. Milanovic B. Global Income Inequality in Numbers: in History and Now. Global Policy, Volume 4, Issue 2, May 2013, 198–208 pp.
9. Financial Times 24. 02. 2013 <http://www.ft.com/home/uk>
10. Wolff R. D. Capitalism Hits the Fan: The Global Economic Meltdown and What to Do about It. Olive Branch Press. 2009.- 256 p.
11. Economics and Statistics Administration (ESA) <http://www.esa.doc.gov/>
12. Eurostat <http://ec.europa.eu/eurostat>
13. Korobka D.S. Politicheskaya ontologiya sovremennosti: novye smysly, novye strategii: Avtoref. diss...k.p.n. –M.:2010 – 26 s.
14. Doklad The State of Food Insecurity in the World, 2013 <http://www.fao.org/docrep/018/i3434e/i3434e00.htm>
15. Center for Global Development <http://www.cgdev.org/>
16. Ivanov N., Goffe N., Monusova G. Globalizatsiya i bednost' // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – 2010.- №9.- s. 29-42
17. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail: The origins of Power, Prosperity and Poverty First Edition. New York: Crown Business. 2012. – 529 p.
18. Koshanov A. Industrialno-innovatsionnye vyzovy globalizatsii i novye imperativy sotsializatsii j,shchestvennogo proizvodstva v Kazakhstane // Ekonomika: strategiya i praktika – 2012- № 2 (22) – s. 6-11
19. Economic and social survey of Asia and the Pacific Pursuing shared prosperity in an ERA of turbulence and high commodity prices. – United Nations, 2012.-236 p. // <http://www.apec-center.ru/> Дата обращения: 17.09.2013
20. Bobkov V.N. Neravenstvo materialnykh usloviy zhizni naseleniya // Vserossiyskiy tsentr urovnya zhizni, 15. 07.2011 2020strategy.ru/data/2011/07/15/1214720708/12.doc
21. Modelirovanie i prognozirovanie mirovoi, regionalnoy i natsionalnoy dinamiki – M.: Librokom URSS, 2011. -580 s.
22. Metodologicheskie polozheniya po statistike. – Astana, 2009 – 580 s.
23. Kara-Murza S.G. Anomiya bednosti – M., 2013 – 264 s.
24. Ovcharova L.N. Predlozheniya dlya strategii sodeystviya sokrashcheniyu bednosti v sovremennoy Rossii – 2012 – № 10-11 – s. 78-88